

Rites of Place: Public Commemoration in Russian and Eastern Europe / Ed. by Julie Buckler, Emily D. Johnson. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2013. 348 p.

В не самом широко цитируемом отрывке из ныне знаменитого эссе Пьера Нора о *lieux de mémoire* или «местах памяти» автор размышляет об условиях, которые привели к концу обществ «истинной памяти», и о том, как им на смену пришли «безнадежно забывчивые современные общества», движимые переменами и необходимостью просеивать и отбрасывать исторические следы [Nora 1989: 8]¹.

В новых государствах волны независимости вынесли в историю общества, которые усилиями колониализма только-только пробудились от этнологических сновидений. Точно так же процесс внутренней колонизации затронул этнические меньшинства, семьи и группы, у которых до сих пор имелись резервы памяти, но было мало или не было вовсе исторического капитала. Мы наблюдаем конец обществ, где передача и сохранение ценностей, поддерживаемых коллективной памятью, долгое время осуществлялась при помощи церкви или школы, семьи или государства. А также конец идеологий, которые обеспечивали гладкий переход от прошлого к будущему или предписывали, что именно будущему следует сохранить из прошлого, будь то реакция, прогресс или даже революция [Nora 1989: 7].

Виктория Донован
(Victoria Donovan)

Университет Сент-Эндрюс,
Великобритания
vsd2@st-andrews.ac.uk

¹ Русский перевод статьи П. Нора, на которую ссылается автор рецензии, опубликован под названием «Между памятью и историей. Проблематика мест памяти» в сборнике «Франция — память» (СПб., 1999). Здесь переводчик старался придерживаться традиции, заданной этим текстом, при переводе терминологии, но цитаты в основном даны заново по авторскому тексту, т.к. автор, вероятно, пользовался английским переводом статьи, где есть отличия от опубликованного русского перевода с французского оригинала. — *Прим. пер.*

Для Нора, таким образом, конец коммунизма оказался среди тех по своей сути современных событий, которые вырвали обществу из неосознаваемого существования *внутри* истории и поместили их в отношения напряженных переговоров с прошлым. Нора считает, что эти общества больше не могут пребывать в «тепле традиций, тишине обычая, повторении того, что досталось от предков», но вынуждены постоянно рационализировать свое существование через «воплощение памяти в определенных местах, где сохраняется чувство исторической непрерывности» [Nora 1989: 7]. Приметой этого нового историзованного сознания, по мнению Нора, является лихорадка регистрации, каталогизации и консервации, характерная для современного отношения к прошлому. Таким образом, для Нора физическая манифестация памяти в архивах, музеях и памятниках и есть самое очевидное доказательство ее внутреннего упадка: нам нужны места памяти потому, что у нас больше нет *milieux de memoire*, социальных групп памяти.

Поучительно было бы сравнить успех тезиса *lieux de memoire* с популярностью идеи «изобретенных традиций», которую несколькими годами ранее (1983) сформулировали марксистский историк Эрик Хобсбаум и другой историк Теренс Рейнджер. Подобно Хобсбауму и Рейнджеру, которые проводят различие между «изобретенными традициями» недавнего времени и «силой и адаптивностью *подлинных* традиций» (курсив мой. — В.Д.) [Hobsbawm, Ranger 1983: 8], Нора предлагает соблазнительную своей простотой бинарную оппозицию для понимания того, как сообщества концептуализируют свои отношения с прошлым. Между тем эта оппозиция, которая утверждает, что «истинная память», «неосознающая самое себя, господствующая и всемогущая, спонтанно актуализирующаяся память без прошлого, которая бесконечно переизобретает традицию» [Nora 1989: 12], не может существовать в современных обществах, в основе своей ошибочна. Историзирующие импульсы, на которые указывает Нора, несомненно, существуют в современных обществах, но этот факт не мешает этим обществам по-прежнему по большей части неререфлексивно обживать историю и концептуализировать историческое время нелинейно, через призму личной биографии, семейного знания или, к примеру, предрассудков. «Мифы, которыми мы живем» (пользуясь выражением Рафаэля Самуэля), по-прежнему лежат в основе нашего опыта темпоральности и времени [The Myths We Live By 1990]. Более того, для нас они зачастую так же невидимы и не осознаваемы, как и те, которые, как полагает Нора, управляли социальными отношениями в крестьянских культурах.

Учитывая эти сомнительные допущения, лежащие в основе тезиса Нора, остается только сожалеть, что авторы наиболее значительных (на данный момент) исследований, существующих в несколько расплывчато определяемом поле «исследований памяти», по большей части не вступают в прямую полемику с историком. Исследователи культурной памяти склонны к избыточному консерватизму и редко подвергают сомнению проблематичную оппозицию, которую выстраивает Нора между домодерной «истинной памятью» и современным историзированием. Куда чаще в литературе о культурной памяти можно встретить молчаливое принятие идей Нора и усвоение его дискурса, как если бы этот автор и его идеи уверенно двигались к канону, а то и уже занимали место в канонических рядах.

Привилегированная позиция тезиса о *lieux de mémoire* и его автора особенно очевидна в многочисленных исследованиях политики памяти, рассматривающих конкретные примеры, от израильских поселений до новоорлеанских креолов (см.: [Katriel 1994; Thompson 2001]). При всей своей несомненной ценности для понимания этих отдельных культур такие исследования, тем не менее, свидетельствуют о стагнации научной области в целом, которая из рефлексивного и постоянно развивающегося критического подхода превращается в универсальный набор теоретических допущений.

В какой-то степени этот замечательный сборник статей, посвященный исследованию того, как памятные места «инкорпорируются в повседневную жизнь, наделяются альтернативными значениями в разных сегментах общества и изображаются в различных формах репрезентаций — живописи, литературе, сценических постановках», отмечен тем же недостатком. Вместо того чтобы поразмышлять о множестве вопросов, которые ставит к традиции исследований памяти этот поистине междисциплинарный анализ коммеморативных практик и институций памяти в Восточной Европе и России, введение к сборнику предлагает следующее вполне обычное изложение сути коммеморативного поворота последнего столетия:

Двадцатый век был свидетелем мощного сдвига в практиках коммеморации не только благодаря растущей демократизации культурной памяти в поистине глобальных масштабах, но и в результате распада (disruption) и разнообразных последствий геноцида, травмы, постколониализма, миграций и образования диаспор и всепроникающего возрастания ностальгии в ответ на все ускоряющийся шаг перемен (Р. 6).

Вопросы, которые формируют рамку для статей сборника («Мы задаемся вопросом о том, как культурная память может сохранять, изменять или уничтожать прошлое, и исследуем

реинтерпретации, которым подвергаются места коммеморации в ходе больших социально-политических изменений». — Р. 6), тоже звучат довольно консервативно. Учитывая широту принятого в сборнике определения «мест»¹ и впечатляющий исторический и географический охват статей, жаль, что редакторы не проявили больше смелости в критике методологических оснований поля и не обозначили более отчетливо новый вклад, который предлагает эта книга.

Сборник разделен на четыре тематические рубрики. Первый раздел сфокусирован на «ритуалах, практиках и архитектурных решениях, которые преобразуют городское публичное пространство». В него вошли статьи о том, как в результате перемещения столицы из Москвы в Санкт-Петербург в 1712 г. изменилось значение праздника Богоявления (Epiphany) (Майкл С. Флайер); о роли официальных похорон видных деятелей (state funerals) в национальном строительстве в Праге XIX в. (Марек Некула); о слиянии вымысла и реальности в создании мифа о Потемкинской лестнице в Одессе (Ребекка Стэнтон); о политической интриге вокруг запоздалого празднования 250-летия Санкт-Петербурга–Ленинграда в 1957 г. (Эмили Д. Джонсон).

«Ритуалы места, которые исполняются через художественный или архитектурный стиль», — тема второго раздела, который включает исследования, посвященные Военной галерее 1812 г. в литературе и искусстве (Люба Гольбурт); «странной судьбе» Талашкино, колонии художников и центра возрождения народного искусства XIX в. (Катя Дианина); культурному значению стекла в коммунистическом обществе, которое проследживается от саркофага Ленина до станции «Автово» (Джулия Бекман-Чадага); медийному сопровождению Международного женского дня в современной российской культуре (Чой Чатерджи).

Авторы третьего и четвертого разделов обращаются к более традиционной для исследований культурной памяти тематике, но содержат несколько оригинальных текстов.

Третий раздел посвящен «иконическим фигурам, событиям и традициям, связанным с войной», и включает статьи о «монументальном мифе» Бородинского сражения и неоднозначном материальном наследии этой битвы (Джули Баклер);

¹ Введение определяет «места» следующим образом: «города, площади и проспекты, церкви, конвенциональные памятники и протестные памятники постмодерна, мемориалы, такие как кладбища, массовые захоронения, мавзолеи и поля битв, музеи и галереи, пространства для публичных событий (performance) и коммуникативные пространства, артикулированные в публичном дискурсе» (Р. 6).

пятисотой годовщине Грюнвальдской битвы 1410 г. и попытках националистов дать этому событию патриотическую интерпретацию (Патрис М. Дабровски); борьбе за память на Всероссийском военном Братском кладбище в Москве в советский и постсоветский периоды (Карен Петроун).

В заключительном разделе речь идет о «памятниках и ритуалах, посвященных “невыразимым событиям”, таким как террористические акты, преступления против человечества, массовые казни и геноцид» (Р. 10). Его авторы рассказывают о разнообразных функциях Катыни как пространства борьбы, утраченного суверенитета и даже «пространства беженцев» (“fugitive or refugee site”) (Джеймс фон Гельдерн); «мартирологическом» восприятии недавнего прошлого в бывших социалистических странах и памяти о Хатыни и Куропатах (С.А. Ушакин); трансформации мест тюремного заключения в места памяти на малоизвестном примере Мемориального музея Сигета в Румынии (Кристина Ватулеску).

В рассматриваемой подборке нет слабых звеньев, а некоторые тексты просто искрятся оригинальностью и новыми мыслями. К наиболее ярким и впечатляющим можно отнести статью Любы Гольбурт о портретном жанре как способе коммеморации на примере Военной галереи 1812 г. в Санкт-Петербурге. Здесь мы находим важные размышления об отношениях между коммеморацией и ее исследованиями, которые в идеале нужно было бы поместить во введении к сборнику. Гольбурт пишет, что «цель любой коммеморации — создавать и увековечивать популярное историческое знание. Поэтому те формы, которые принимает коммеморация, — это, по сути, еще и формы знания, предполагающие различные режимы действия и различные объекты познания, а изучение коммемораций — это с необходимостью еще и эпистемологический проект» (Р. 105). Этот тезис, от которого автор переходит к детальному исследованию форм художественного взаимодействия с пространством коммеморации и — особенная удача — подрывного экфрасиса Пушкина и ремифологизации галереи, может рассматриваться как релевантный для всей области исследований культурной памяти. Целенаправленно занимаясь разоблачением ритуализованных нарративов истории и культуры, эти исследования могли бы поставить вопрос и к своей собственной роли и таким образом выступить в качестве одного из таких разоблачающих (авто)комментаторов, ремифологизируя и реконтекстуализируя тот самый объект, на изобличение которого они претендуют.

Текст Сергея Ушакина предлагает другой способ инновативной переработки парадигмы памяти. Изучив постсоциалисти-

ческие общественные дискуссии вокруг хатынского мемориала и куропатских захоронений в Белоруссии, автор полагает, что в этих случаях «работа памяти» выразилась в мартирологических нарративах или «жалобах самовиктимизации»¹, которые можно понимать как новую форму постколониальности, характерную для бывшего советского пространства. Ушакин утверждает, что эта разновидность постколониальности рождается не из стремления выявить «возможности активности подчиненных» (Р. 287) в структурах доминирования. Постсоветская постколониальность производила не столько нарративы о сопротивлении, сколько нарративы неприсутствия или «летописи подчинения» (Р. 287), которые работали на подавление и дистанцирование от травматического прошлого. Этот сдвиг фокуса со (зло)употребления памятью как средства самоопределения к ее использованию в качестве средства вычеркивания себя представляет собой новый вклад в существующее знание в этой области и заслуживает дальнейшего изучения.

Недостаточная контекстуализация исключительно оригинальных исследований, которыми богат этот научный сборник, приводит к тому, что, когда читатель переворачивает последнюю страницу, некоторые вопросы так и остаются без ответа, а то и вовсе не поставлены. Один момент, возможно очевидный, но тем не менее важный с учетом современного состояния исследований культурной памяти, касается обоснования регионального ограничения сборника. Редакторы сообщают, что «чувство исторической преемственности в России утрачено с XVIII в., когда Петр Великий жестко и сверху провел реформу российской культуры и традиций» (Р. 5). И все-таки, как верно указал Пьер Нора (пусть и предваряя таким образом повествование о практиках культурной коммеморации в одной стране), чтобы прийти к более точному пониманию таких разорванных темпоральностей и культурных потрясений, которые их сопровождают, те и другие следует изучать не как регионально специфический опыт, а в более масштабном контексте модернизации, деколонизации, деинституционализации и детерриториализации.

Возможно, более плодотворный подход, в сторону которого кивают и Гольбурт, и Ушакин в своих текстах, заключается в изучении «местных» традиций, зарождающихся внутри исследований культурной памяти, и того, как их собственное дисциплинарное наследие и нормы определяют их организацию. Если и когда придет время для публикации такого обзора

¹ См.: [Todorova 2010: 181], цитируется в статье Сергея Ушакина "Postcolonial Estrangements: Claiming a Space Between Stalin and Hitler" (Р. 287).

состояния научной области, его авторы, несомненно, найдут в рассматриваемом сборнике изобилие дисциплинарных инноваций и разнообразие тем.

Библиография

- Hobsbawm E., Ranger T.* The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 327 p.
- Katriel T.* Sites of Memory: Discourses of the Past in Israeli Pioneering Settlement Museums // Quarterly Journal of Speech. 1994. Vol. 80. No. 1. P. 1–20.
- Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. Vol. 26. P. 7–24.
- The Myths We Live By / Ed. by R. Samuel, P. Thompson. L.: Routledge, 1990. 262 p.
- Thompson Sh.* “Ah Toucoutou, ye coninvous”: History and Memory in Creole New Orleans // American Quarterly. 2001. Vol. 53. No. 2. P. 232–266.
- Todorova M.* Balkanism and Postcolonialism, or On the Beauty of the Airplane View // Marx’s Shadow: Knowledge, Power, and Intellectuals in Eastern Europe and Russia / Ed. by C. Bradatan, S.A. Oushakine. N.Y.: Lexington Books, 2010. P. 175–195.

Виктория Донован

Пер. с англ. Александры Касаткиной

Review of Julie Buckler, Emily D. Johnson (eds.). *Rites of Place: Public Commemoration in Russia and Eastern Europe*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2013. 348 pp.

Victoria Donovan

University of St Andrews, School of Modern Languages
Buchanan Building, Union St., St Andrews, UK
vsd2@st-andrews.ac.uk

Rites of Place: Public Commemoration in Russia and Eastern Europe is a pioneering overview of contemporary memory studies with a focus on Russia and Eastern Europe. This review admires the originality, historical and geographical scope of the contributions to the volume, but questions the tacit acceptance of Pierre Nora’s “lieux de mémoire” thesis as the foundation stone for contemporary memory studies.

Keywords: Soviet Russia, post-Soviet Russia, memory studies, “lieux de mémoire”, nation building.

References

- Hobsbawm E., Ranger T., *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 327 pp.
- Katriel T., 'Sites of memory: Discourses of the past in Israeli pioneering settlement museums', *Quarterly Journal of Speech*, 1994, vol. 80, no. 1, pp. 1–20.
- Nora P., 'Between memory and history: Les Lieux de Mémoire', *Representations*, 1989, vol. 26, pp. 7–24.
- Samuel R., Thompson P. (eds.), *The Myths We Live By*. London: Routledge, 1990. 262 pp.
- Thompson Sh., "‘Ah Toucoutou, ye coninuous’": History and memory in Creole New Orleans', *American Quarterly*, 2001, vol. 53, no. 2, pp. 232–266.
- Todorova M., 'Balkanism and postcolonialism, or On the beauty of the airplane view', Bradatan C., Oushakine S. A. (eds.), *Marx's Shadow: Knowledge, Power, and Intellectuals in Eastern Europe and Russia*. New York: Lexington Books, 2010. Pp. 175–195.